

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
В88

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Вульф, Алексей
В88 А. Н. Вульф. Дневник 1827–1842 годов. Любовные похождения и военные походы / А. Н. Вульф; предисл., подготовка текста и коммент. Е. Н. Строгановой и М. В. Строганова. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 464 с.

ISBN 978-5-17-091620-7

Дневник А. Н. Вульфа — яркий документ пушкинской эпохи. Читатель найдет на его страницах имена знаменитых деятелей искусства и общественной жизни, ближе познакомится с бытом и культурой русского дворянства 1820–1830-х годов, переживет вместе с автором дневника его военные тяготы и невзгоды. Записи 1828–1829 годов о довоенной жизни Вульфа публикуются без цензурных купюр.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-17-091620-7

- © Строганов М.В., Строганова Е.Н, подготовка текста, вступительная статья, примечания, год публикации, 2016
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
- © ООО "Издательство АСТ", 2016
Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Строганова, М. Строганов

“Ученик и последователь” Пушкина 7

Дневник А. Н. Вульфа. 1827–1842

1827 год 29

1828 год 39

1829 год 82

1830 год 158

1831 год 209

1832 год 260

1833 год 270

1834 год 294

1836 год 299

1842 год 305

Приложения

Памятная книжка А. Н. Вульфа на 1829 год 311

Из родословной Вульфов 319

Комментарии 325

Указатель имен 423

Перечень иллюстраций 458

“УЧЕНИК И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ” ПУШКИНА

Русская история богата яркими событиями и личностями. Политические и военные деятели, литераторы и ученые, художники и композиторы — всех не перечислишь. Но вот перед нами человек, не прославившийся ни крупными военными достижениями, ни художественными произведениями, ни научными открытиями. Чем же тогда он интересен для нас?

Мы говорим об Алексее Николаевиче Вульфе, рядовом русском дворянине, помещике, офицере. Специалисты, конечно, помнят о Вульфе и никуда не могут уйти от ссылок на него, потому что это имя встречается в произведениях и письмах Николая Языкова и Александра Пушкина, Антона Дельвига и Петра Плетнева.

Ты поверял мои желанья,
Путеводил моей мечты
Первоначальные созданья,
Мою любовь лелеял ты... —

это строки одного из многочисленных посланий Языкова к Вульфу, которого поэт назвал “мой брат по вольности и хмелю”. Языков с Вульфom учились одновременно в Дерптском университете, и мотив разгульной и беспечной юности звучит в стихотворном послании к Вульфу, написанном Пушкиным в 1824 году:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,

Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...

Само собой разумеется, что, печатая эти стихи, невозможно обойтись без рассказа о том, кто такой Вульф...

Однако Алексей Николаевич Вульф интересен не только как адресат стихотворных посланий, но и сам по себе — как непосредственный и правдивый рассказчик. Его дневник ценен не только как источник бесценной информации о людях 1820–1830-х годов, но в первую очередь — как увлекательнейший рассказ о самом себе, о своем внутреннем мире и своих житейских злоключениях.

Алексей Вульф родился 17 декабря 1805 года в семье, богатой не столько землями и крестьянами, сколько историческими преданиями. Прадедом его по матери был Максим Дмитриевич Вымдонский, как писалась эта фамилия в XVIII веке, в XIX стала она писаться несколько иначе: Вындомский. Максим Вымдонский выполнял секретнейшее поручение императрицы Елизаветы Петровны. В течение 1739–1753 годов он охранял свергнутую с престола Анну Леопольдовну и ее семью, а позднее, до 1762 года, уже в качестве коменданта Шлиссельбургской крепости, — ее сына Иоанна Антоновича, который представлял угрозу для всех, кто занимал русский престол до его смерти. За эту-то службу Максим Вымдонский и был награжден землями в Псковском уезде, в числе которых было знаменитое ныне Тригорское*. По материнской же линии Алексей Вульф был родственником декабристов Сергея, Матвея и Ипполита Ивановичей Муравьевых-Апостолов, князя Евгения Петровича Оболенского и Сергея Николаевича Кашкина**.

О предках Вульфа с отцовской стороны известно, что земли в нынешнем Старицком (и частично Торжокском) районе прадед его бригадир Петр Гаврилович Вульф получил в 1726 году от

* См. подробнее: СЕМЕВСКИЙ Михаил. *Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине* / Вступит. статья, составление и примеч. С. В. Березкиной. СПб., 2008. С. 66–71.

** Кашкин Н. Н. *Родословные разведки*. СПб., 1912. Т. 1, глава “Род Вындомских”.

казны за столь незначительную плату, что это заставляет предполагать какие-то особые, неизвестные нам, заслуги. В числе этих земель — входящие в Пушкинское кольцо Верхневолжья Берново и Малинники*. Мы мало знаем о Петре Гавриловиче Вульфе, зато сын его Иван известен не только как орловский губернатор, сенатор, чиновный человек, но и как талантливый архитектор, построивший несколько крепостей, Мариинскую и Тихвинскую водные системы**. Иван Петрович был женат на Анне Федоровне Муравьевой, двоюродной сестре известного писателя, историка и педагога Михаила Никитича Муравьева, много помогавшего своим родным и описавшего Берново в целом ряде своих произведений. После смерти Муравьева его вдова Екатерина Федоровна гостила в Бернове зимой 1811 года с двумя сыновьями — Никитой и Александром, будущими декабристами***. Через Анну Федоровну, родную тетку В. А. Бакуниной, Вульффы состояли в родстве с прямухинскими Бакуниными****.

Судьбы семей Вульфов и Вымдонских очень сходны между собой: неременная государственная служба и быстрое упрочение материального состояния. Такова, впрочем, участь многих дворянских фамилий в России XVIII века. Обычна и дальнейшая их судьба: дробление имений между детьми и постепенное разорение к середине XIX века*****.

Рано умерший отец Алексея Николаевича — Николай Иванович Вульф — не оставил по себе ярких воспоминаний***** , хотя

* *Данная из Государственной камер-коллегии камер-юнкеру Петру Вульфу на описанное за долги недвижимое имущество стольника Алексея Калитина // Государственный архив Тверской области (далее: ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 2305.*

** См. подробнее: ИВАНОВ И. А. *О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии // Тверской венок Пушкину. М., 1989. С. 71–72*

*** КЕРН (МАРКОВА-ВИНОГРАДСКАЯ) А. П. *Воспоминания о Пушкине. М., 1987. С. 366.*

**** БАКУНИН А. М. *Поэмы и проза / Изд. подгот. Л. Г. Агамалян, М. В. Строгановым. Тверь, 2006.*

***** ВЕРШИНСКИЙ А. Н. *В вотчине Вульфов в первой половине XIX века // В наши дни (Калинин). 1936. № 2.*

***** Наши сведения об отце А. Н. Вульфа Николае Ивановиче ограничиваются данными “Аттестата” о службе, где сказано: “Дан сей из учрежденной при Государственном Ассигнационном банке конторы о покупке металлов титулярному советнику Николаю Вульфу в том, что он в службу его император-

его племянница А. П. Маркова-Виноградская (Керн) пишет о нем тепло и проникновенно. Мать же Алексея Вульфа знаменита в русской культуре. Это та самая Прасковья Александровна Осипова, которой посвящены пушкинские “Подражания Корану” и другие стихи. Это та самая Осипова, которой надписывал свои “Северные цветы” Дельвиг, с которой оплакивал Пушкина над его свежей могилой Александр Иванович Тургенев. О Прасковье Александровне сохранилось множество документов и преданий. Воспоминания современников не всегда лестные, часто просто пристрастные, рисуют образ женщины энергичной и сильной, подчас сумасбродной, подчас беззащитной, но, по-видимому, очень обаятельной и умной.

Прасковья Александровна рано потеряла первого мужа, Николая Вульфа, и в 1817 году вышла замуж вторично — за Ивана Сафоновича Осипова. Однако и он вскоре умер, оставив вдову с большой семьей: пятеро детей от первого брака, двое — от второго, да еще падчерица Александра — дочь Осипова от первого брака. Детей (из них пять девиц) надо было воспитывать, содержать, дочерей пристраивать замуж. Кроме того, Прасковья Александровна совершила прямо-таки редкостный по самоотверженности поступок, о чем вспоминает ее племянница А. П. Маркова-Виноградская. Родная сестра Прасковьи Александровны Елизавета, “увлеченная сердцем, вышла против желания отца за Ганнибала <...> бежала из дома родительского. Отец ее не мог простить и лишил наследства, отдав всё Прасковье Александровне, тогда Вульф; после

ского величества вступил из дворян лейб-гвардии в Преображенский полк 1783 года ноября 29-го, из одного переведен в Семеновской полк сержантом 1784 марта 4-го, прапорщиком 1793 января 1-го, подпоручиком 1795-го января 1-го, поручиком 1797 апреля 16-го, уволен к статским делам титулярным советником того ж года декабря 31-го; а в сей конторе находясь с 27-го февраля 1798-го года кассиром, порученные ему дела исправлял с отличным прилежанием, редкостным усердием и успехом, вел себя весьма похвально; в рассуждение чего по рекомендации конторы за отличность правлением Государственного Ассигнационного банка прошлого 1798 года представлен Правительствующему Сенату к награждению следующим чином; ныне же по прошению его от дел конторы уволен. При сем случае контора долгом поставила вторично представить начальству с изъяснением отличной его службы о награждении чином, апреля 11-го дня 1799 года”. Далее следуют подписи и печать конторы (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 713. Л. 59–59 об.). Чин коллежского асессора Н. И. Вульф получил 30 марта 1800 года (там же. Л. 60).

смерти отца Прасковья Александровна разделила имение (состоявшее из 1200 душ) на две равные части и поделилась им с сестрой. Скажите: многие ли бы это сделали? У Прасковьи Александровны тогда было пятеро детей, у той — только двое. Я лично этому не удивляюсь, но жизненный опыт мне доказал, что многие могут удивляться”^{*}.

Алексей, старший сын Прасковьи Александровны, определился раньше других. Еще в детстве его записали в Пажеский корпус, но впоследствии решили дать профессиональное военное образование. В течение некоторого времени: с 1818 по 1819 год — он обучается в пансионе Горного кадетского корпуса, а потом переезжает в Дерпт, где после предварительного изучения немецкого языка в 1822 году поступает в университет и обучается на экономическом отделении философского факультета на кафедре военных наук^{**}. Военная стезя — весьма обычный выбор для русского дворянина.

Студенческая жизнь в Дерпте нам известна по стихам Николая Языкова, университетского приятеля Вульфа. И хотя, как это обычно бывает в стихах, здесь много преувеличений, многие детали быта воссозданы в них совершенно точно: сам Вульф также постоянно вспоминает пирушки и гульбу молодых людей.

Однако была и другая сторона этой студенческой жизни. 4 февраля 1823 года “7 благородных пламенных юношей”: Г. Г. Франциус (инициатор), Н. С. Кошкуль, Х. И. Лейтганг, А. фон Рам, а также, видимо, Р. Ф. Байер и Г. А. Вессельс основали студенческий “союз семи”, в который входил и Вульф (см. запись от 19 февраля 1833 года). Этот союз был основан на убеждении, что “важное и высокое назначение жизни” заключается в “стремлении к усовершенствованию умственному и душевному”. Сведения об этом союзе ограничиваются записями в дневнике Вульфа, на основании которых можно легко представить себе, что в обстановке заседаний и в символике, которой увлекались дерптские студенты, отражалась столь распространенная в это время, но уже находившаяся под запретом масонская идеология. А в самом тоне повествования

* КЕРН (МАРКОВА-ВИНОГРАДСКАЯ) А. П. *Воспоминания о Пушкине*. С. 148–149.

** БУРЧЕНКОВА Р. В. *Комментарии к фрагментам личного дела Алексея Вульфа, дерптского студента 1822–1825 гг.* // Михайловская пушкиниана. М., 2000. Вып. 6. С. 76.

Вульфа об этом союзе звучат ноты декабристские и потому тоже запретные: служение “Богу, Отечеству, Свободе и Чести” (запись от 5 февраля 1830 года). В России того времени тайные общества были запрещены, и под этот запрет попадали все официально не зарегистрированные молодежные общества. Поэтому можно только удивляться, как в студенческом Дерпте, далеком от политических волнений и страстей, семеро молодых людей осмеливались думать о чем-то подобном. Следует заметить также, что шестеро участников союза были остзейскими немцами, и только один Вульф происходил из российского дворянского рода, а его ближайший друг Языков в этот союз не входил. Это выглядело бы на самом деле странно, если не учитывать, что Вульфы изначально были выходцами из Лифляндии и две ветви Вульфов внесены в родословные книги лифляндского дворянства.

Итак, студенческий разгул и политический (пускай очень умеренный) либерализм — вот диапазон жизни Вульфа в эти годы. Впрочем, был у Вульфа еще один источник энергии — Тригорское, дом. Старицкое поместье после смерти Николая Ивановича и во время вторичного замужества Прасковьи Александровны семья посещала, видимо, редко. Гораздо чаще приезжали в наследственное имение матери в Псковской губернии.

А рядом с Тригорским находилось Михайловское, где с 1824 года жил ссыльный Пушкин. Семьи Осиповых-Вульфов и Пушкиных состояли в довольно близком свойстве: их породнила тетка Алексея Вульфа Елизавета Александровна, та самая, которая против воли отца вышла замуж за Якова Исааковича Ганнибала, двоюродного брата Надежды Осиповны Пушкиной*. На протяжении долгого времени между Пушкиными и семьей Прасковьи Александровны существовали доверительно-интимные отношения. В 1829 году родители Пушкина жили не в своей усадьбе, которая в это время перестраивалась, а в Тригорском. Впоследствии двое Пушкиных — овдовевший Сергей Львович и его сын Лев Сергеевич — наперевод ухаживали за Марией Ивановной Осиповой, дочь Прасковьи Александровны от второго брака..**

* *Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов.* СПб., 1993. Т. 1. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. 1828–1835. С. 33.

** Там же. С. 31 и след., 69–70.

Пушкин познакомился с Вульфом, возможно, еще в 1810-е годы, после выхода из Лицея, в Петербурге или Михайловском. Но в то время разница в возрасте между двенадцатилетним мальчиком и восемнадцатилетним юношей препятствовала сближению. В середине же 1820-х годов разница в возрасте стирается, и они сближаются. 21 июля 1825 года Пушкин пишет Анне Николаевне, сестре Алексея:

... вчера мы с Алексеем проговорили 4 часа подряд. Никогда еще не было у нас такого продолжительного разговора. Угадajte, что нас вдруг так сблизило. Скука? Средство чувства? Не знаю*.

Сближение действительно было вызвано внешними причинами: все дамы, привычно составлявшие круг пушкинского общения и близкие ему по возрасту, уехали, Алексей оставался самым старшим в Тригорском, более общаться было просто не с кем. Но неверно думать, что между Вульфом и Пушкиным не могла возникнуть взаимная заинтересованность**. Хотя житейский их опыт был различен — Пушкину шел уже двадцать седьмой год, а Вульфу не исполнилось еще и двадцати, познакомившись ближе, они не могли не оценить друг друга. Пушкину нравились искренность и доверчивость Вульфа, его откровенность и желание помочь. С Вульфом Пушкин, как известно, разрабатывал план своего побега за границу, в котором самому Вульфу отводилась довольно рискованная роль, потому что именно он должен был вывезти за границу Пушкина под видом своего крепостного слуги***. Вульф ценил Пушкина как старшего товарища, которому во всем стремился подражать. Впрочем, если учесть, что летом 1825 года Вульф приезжал домой, чтобы лечиться после ранения, полученного на дуэли, должно согласиться с предположением, что и Вульф мог вызывать искренний интерес у Пушкина****.

* Пушкин. *Полное собрание сочинений*: В 16 т. [Л.], 1937. Т. XIII. С. 538, перевод с франц.

** С. А. Фессалоницкий (*Пушкин в кругу старицких дворян // Тверской венок Пушкину*. С. 82–85, 102–107) оспаривает какое бы то ни было сближение Пушкина и Вульфа. Как любая крайность это не верно.

*** СЕМЕВСКИЙ МИХАИЛ. *Прогулка в Тригорское*. С. 81.

**** Там же. С. 395–396.

Конечно, пушкинский кругозор, опытность, тонкость обхождения были очень привлекательны. Огромный запас знаний и человеческая зрелость, дающая умение разбираться в людях и верно обходиться с ними, — слагаемые пушкинского гения. Вульф же, как и многие другие современники Пушкина, смог понять это далеко не сразу. Когда Пушкин был жив, ходил рядом по Михайловскому, Тригорскому, Старице, Петербургу, он казался Вульфу обычным человеком, хотя и талантливым поэтом. Таково, очевидно, общее свойство человеческого зрения.

Все разнообразные и привлекательные свойства Пушкина сфокусировались для Вульфа в одной сфере, которая его самого в силу возраста занимала больше всего, — в сфере любви. Здесь, полагал Вульф, с Пушкиным соперничать легче: стихи писать он не умел, романы сочинять тоже, но для того, чтобы строить любовные романы, особой гениальности не надо, в этом, казалось, любой мужчина может поспорить с Пушкиным. Вульф, естественно, ошибался, и весь его дневник служит опровержением этой гипотезы.

Летом 1825 года в Михайловском и Тригорском у Пушкина начался пока еще вполне невинный роман с А. П. Керн, первая глава которого завершилась созданием знаменитого стихотворения “Я помню чудное мгновенье...”. Узнав об этом романе в Риге, куда А. П. Керн приехала сразу же после получения от Пушкина стихотворения, Вульф начинает со своей кузиной вполне земной роман*, продолжавшийся вплоть до 1828 года. Никаких стихов роман Вульфа, разумеется, не оставил, свидетельства о нем сохранились лишь в его дневнике.

Пушкинская “наука страсти нежной” становится в жизни Вульфа слишком головной, слишком рассудочной. У Пушкина характерно сталкиваются два понятия: “страсть” и “наука”, чувство и разум. Уже в четвертой главе “Евгения Онегина”, написанной в октябре 1824-го — январе 1826 года, Пушкин говорил:

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя

* См. письма Пушкина к А. П. Керн от 14 августа, второй половины августа и 28 августа 1825 года.

И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

Вульф, который хорошо знал тексты Пушкина и любил цитировать их в своем дневнике, ни разу не вспоминает эту строфу. Она кажется написанной прямо про него, и он не хочет увидеть себя в этом точном и почти зеркальном изображении.

Вряд ли Вульф когда-нибудь хоть кого-то любил. Он и сам говорил, что стремится только влюблять в себя и что страсти как таковой сам он никогда не был подвержен. Вульф слишком любит себя, чтобы отдаться страсти, потому и любовь для него становится не чувством, а наукой^{*}. Вульф пишет о Пушкине: “... женщин он знает как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оного” (запись от 23 февраля 1830 года). Пушкин для Вульфа — это Мефистофель, который учит и наставляет его, Фауста, в науке любви. Конечно, Пушкин никакой “науки” не сочинял, но в разговорах о женщинах он преподавал своему ученику своеобразные уроки любовной игры. Однако у Вульфа игра заменила настоящую жизнь сердца...

Важный принцип этой игры — постепенность в деле любви. Здесь нужно идти за этапом этап. Но постепенность давалась Вульфу с большим трудом:

Столь же неопытный в практике, сколько знающий теоретик, я первые дни был застенчив с нею и волочился, как 16-летний юноша. Я никак не умел (как и теперь) постепенно ее развращать, врать ей, раздражать ее чувственность (запись от 19 ноября 1829 года о событиях 1827-го).

* Ср.: Махов А. Е. “Опасение верности”: Алексей Николаевич Вульф на *gen-dez-voiz* // Апокриф: Культурологический журнал. М., [1994]. С. 77–79.

Но и в 1830 году, планируя еще один роман, Вульф снова ставит перед собой те же задачи:

Молодую красавицу трактира вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом, по методе Мефистофеля, надо ее воображение занять сладострастными картинами; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают во власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус: им кажется всё пошлым и вялым после языка чувственности. Для опыта я хочу посмотреть, успею ли я просветить ее, способен ли я к этому. — Надо начать с рассказа ей любовных моих похождений (*запись от 14 ноября 1830 года*).

Однако Вульф не только пользуется советами своего Мефистофеля, но и сам ставит опыты, делает собственные наблюдения и выводы.

Вальсирую <!> с одною роскошною, хорошо сотворенною и молодою вдовою, которая и лицом не дурна, я заметил, что в это время можно сильно действовать на чувственность женщины, устремляя на нее свою волю. Она в невольное пришла смятение, когда, мерно, сладострастно вертяся, я глядел на нее, как бы глазами желая перелить негу моих чувств: я буду делать опыты, особенно с женщинами горячего темперамента (*запись от 4 декабря 1828 года*).

Любовные опыты наполняют дневник. Они затмевают сведения о литературной жизни Петербурга, столь интересной знакомствами. Они затмевают бурные и важные политические события. Кажется, одна любовь на уме у Вульфа. И именно это делает дневник его документом необычайной ценности. О политических событиях мы узнаем из реляций, которые посылают генералы, о литературных событиях рассказывают сами писатели. Вульф же знакомит нас с любовным этикетом пушкинской эпохи. Поэтому его дневник уникален как единственный в своем роде документ этого времени.

Вульф начал вести свой дневник в Тригорском 10 августа 1827 года не в форме поденных записок, а как связное повествование о себе и о своих предках. Чтобы понять смысл такой повествовательной формы, следует вспомнить, что в это время

в Михайловском живет Пушкин. Пушкин же любил воспоминания и придавал им огромное значение, под его влиянием свои записки о прошлом начали писать М. С. Щепкин и П. В. Нащокин. Поэтому легко предположить, что именно он подсказал Вульфу идею писать дневник. Те страницы дневника 1827 года, которые нам известны, — это отклик на пушкинские мысли о воспитании дворянства, о его социальной роли в жизни России.

Но Пушкин уехал из Михайловского, и дневник прервался. Вульф вновь обращается к нему через год, уже живя в Петербурге, — в августе 1828-го. Пушкин в это время тоже живет в Петербурге. 1 июля 1828 года он пишет М. П. Погодину: “На днях читал я стихи Языкова, где говорит он о своих стихах

Что ж? в Белокаменную с Богом,
В Моск.[овский] Вестн.[ик]. — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, строг, Аристократ
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, Парнасским Демагогом.
Ну, в Афиней. — Что Афиней?
Журнал казенно-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
Благонамеренный Московский”^{*}.

Это стихи из языковского послания “А. Н. Вульфу” (“Не называй меня поэтом...”), которое поэт прислал Вульфу в письме от 7 июня 1828 года^{**}. Видимо, Вульф поспешил познакомиться с этими стихами Пушкина, тем более что в них речь идет и о нем. Значит, Вульф и Пушкин продолжают общаться, и, возможно, в их беседах возникают разговоры о начатом в прошлом году дневнике. Дневник возрождается, хотя встреча с Пушкиным в нем не отмечена.

* Пушкин. *Полное собрание сочинений*. Т. XIV. С. 22.

** Языков Н. М. *Полное собрание стихотворений*. М.; Л., 1964. С. 633. В послании речь идет о московских журналах, предлагать которым свои стихи Языков либо боится (“Московский вестник”, который издает М. П. Погодин, “выступает в чине строгом”), либо не хочет (“Атеней” сравнивается с петербургским журналом “Благонамеренный”, о котором Языков писал в письме к брату от 3 февраля 1824 года, что “он пуст, как безвоздушное пространство”).

И теперь, с 1828 года, Вульф регулярно ведет дневник. Даже если обстоятельства мешают ему делать записи систематически, он впоследствии стремится восстановить события, пользуясь памятью и записной книжкой. Ведение дневника стало привычкой на долгие годы.

Мы не будем пересказывать дневник — он перед вами. Расскажем только о том, что осталось за его пределами.

В течение 1835–1836 годов Вульф не ведет дневник. Но он все это время встречается с Пушкиным, особенно часто — в 1836 году. Как недавно стало известно, Вульф вместе с Пушкиным 8 апреля 1836 года выехал из Петербурга, когда поэт вез хоронить свою мать Надежду Осиповну в Святогорский монастырь*. Во время этой поездки с 11 по 13 апреля они провели в Голубове, имении Б. А. Вревского, мужа сестры Вульфа Евпраксии, а 14 апреля Пушкин вместе с Вревским возвратился в Петербург**. Таким образом, Вульф сопровождал Пушкина, помогая ему в трудную минуту. Это была их последняя встреча. Впоследствии Вульф вспоминал: «Поехал [из Голубова] в Тверь в 1836, а он в СПб., я уж Пушкина не видал. — Я был в Москве, когда извест[но стало] о † Пушкина***».

15 июня 1836 года, возвратившись в свои Малинники, Вульф пишет Е. Н. Вревской:

... про Пушкина ничего не слышал я: вероятно, и в Москве история эта ничем не кончилась; в противном случае молва всё случившееся давно бы разнесла по лицу земли. — Однако он еще не проезжал обратно в Петербург. Я тоже не ожидаю большого успеха его журналу, а это жаль, потому что он ведь человек женатый****.

Речь идет в этом письме о намечавшейся дуэли Пушкина с В. А. Соллогубом, которая должна была произойти в Твери, где противники не встретились и где Вульф, видимо, должен был выступить секундантом*****, потом в Москве, где благодаря вмешатель-

* СЕМЕВСКИЙ МИХАИЛ. *Прогулка в Тригорское*. С. 250, 262, 410–411.

** *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*. Пг., 1915. Вып. XXI–XXII. С. 395.

*** СЕМЕВСКИЙ МИХАИЛ. *Прогулка в Тригорское*. С. 264.

**** *Пушкин и его современники*. Вып. XXI–XXII. С. 395–396.

***** См. это предположение: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова. Т. IV: 1833–1837. М., 1999. С. 425.